

Родителей просят остаться

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Родителей просят остаться

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Родителей просят остаться / А. Сунгурский — «Автор», 2026

После скандального родительского собрания в пустом классе находят убитым отца ученика. Председательница родкомитета Алёна Грачёва узнаёт: её шестнадцатилетняя дочь оставалась в школе и видела человека возле этого класса. Лиза дома, в безопасности — и не хочет называть имя. Пока следствие восстанавливает тот вечер, привычный школьный круг распадается. Родители переводят детей, давят на учителей, договариваются, о чём лучше промолчать. У каждого есть кого защищать. Алёна привыкла добиваться правды от чужих детей. Теперь ей предстоит услышать собственного ребёнка. Даже если дочь скажет совсем не то, что мать готова принять.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Список присутствующих	5
Глава 2. Вернуться за шарфом	10
Глава 3. Обещание на кухне	15
Глава 4. Класс после всех	19
Глава 5. Не вместо дочери	22
Глава 6. Без школы	25
Глава 7. Второй вход	29
Глава 8. Место у окна	32
Глава 9. Тринадцать секунд	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

А.М. Сунгурский

Родителей просят остаться

Глава 1. Список присутствующих

В списке Алёны Грачёвой было двадцать семь фамилий, и напротив каждой уже стояло что-нибудь полезное. «После семи». «Муж». «Мама не может, бабушка». Только напротив Лозиной ничего не было. Алёна третий раз открыла переписку, убедилась, что сообщение прочитано, и положила телефон на край учительского стола.

— Сразу скажите, что деньги сегодня не собираем, — попросила Ирина Михайловна. — А то опять начнут с этого.

— Я написала в группе.

— В группе написано много хорошего. До класса доходит мало.

Учительница проверила, закрыта ли форточка, и вытерла пальцем мокрый след на подоконнике. На школьном дворе дождь так и не разошёлся: редкие капли успевали высохнуть на старом асфальте, а люди всё равно входили с теми обиженными лицами, какие бывают только в мокрых куртках. Алёна сняла с первой парты чей-то забытый шарф и повесила на спинку стула. Здесь сидела её Лиза; она узнавала парту по тонкой царапине, похожей на длинный корень.

— А Лиза ушла? — спросила она.

— Сказала, в библиотеку.

— Она мне сказала, домой.

Ирина Михайловна посмотрела на неё поверх очков.

— Библиотека не мешает потом пойти домой.

Алёна кивнула. Написать дочери «ты где?» при учительнице было бы некрасиво, и она решила сделать это чуть позже.

Родители занимали места осторожно, с тем неловким достоинством, которое школьная мебель отнимает у взрослых людей. Павел Рябцев не поместился за партой, попробовал боком и в конце концов отодвинул стул к стене. Его жена Юлия оставила рядом сумку, словно боялась, что место займут.

— Здесь сколько лет не меняют? — спросил он, постучав по столешнице. — Я за такой же сидел.

— Дети говорят, всё новое неудобное, — отозвалась женщина у окна.

— Дети много говорят.

Он выпрямил ножку соседнего стула, которая чуть подогнулась внутрь, и поставил его ровно. Алёна отметила в своём списке две галочки. Рябцевы пришли вместе, хотя Юлия собиралась одна.

Кирилл Кравцов вошёл последним из тех, кого Алёна ждала. Пальто оставил на себе, сел у прохода и сразу положил перед собой прозрачную папку. Поверх неё — телефон в чёрном чехле с большой жёлтой рыбой. На верхнем листе она увидела собственную шапку: «Директору школы от родителей учащихся 10 «Б» класса». Она набирала этот текст в мастерской между двумя срочными заказами, пользуясь копией обращения о поездке. Кавычки в обозначении класса так и остались разными; каждый раз, замечая их, Алёна испытывала маленькое профессиональное раздражение.

Кравцов перехватил её взгляд и пригладил папку ладонью.

— Подписанный есть? — спросил он.

— Подписи отдельно. Я просила не торопиться, пока не обсудим.

— Неделю обсуждаем. Ребёнок неделю приходит в тот же класс.

— Все наши дети приходят в тот же класс, Кирилл Сергеевич.

— Именно.

Он произнёс это с таким удовлетворением, словно она только что публично признала его правоту. Алёна отвернулась к списку. Напротив Кравцовых стояла одна отметка: Ольга написала, что у неё смена.

Вера Лозина появилась, когда учительница уже попросила закрыть дверь. Она не стала извиняться, прошла к свободному месту сзади и поставила на пол небольшую хозяйственную сумку. Из неё торчал край свёрнутой рабочей куртки. Алёна подняла руку, показывая, что видит её, но Вера не ответила.

На доске ещё оставалась тема урока: «Общество и государство». Под ней кто-то мелко подписал карандашом: «К завтрашнему дню». Ирина Михайловна стёрла слова влажной тряпкой; карандашная строчка уцелела.

Сначала поговорили о занятиях. Четверо родителей записали даты, остальные сфотографировали экран. Алёна напомнила о поездке в конце ноября, оговорила, что к ней вернутся отдельно, и успела подумать, как быстро они сегодня справляются. Потом Кравцов отодвинул папку на середину парты.

— Теперь давайте о том, ради чего собрались.

— У нас не одна тема, — сказала учительница.

— Но эта касается безопасности.

Вера Лозина подняла голову.

— Чьей?

Кравцов повернулся к ней всем корпусом.

— В том числе вашего сына. Если он не понимает, что делает, взрослые должны объяснить.

— Вы уже объясняли.

— Я говорил с вами по телефону. И предложил нормальное решение.

— Перевести Егора.

— Найти условия, где ему помогут. Я не специалист, чтобы выбирать форму.

— Форму вы выбрали. А причину всё ещё ищете.

Алёна встала. В школе ей всегда легче было говорить стоя: сидя за детской партой, она чувствовала себя обязанной сначала поднять руку.

— Давайте всё-таки без личного. Есть случай с лестницей, есть сообщения в чате и есть жалобы детей. Мы не выносим решение за школу. Мы просим разобраться.

— Тогда прочитайте, о чём просите, — сказала Вера.

Она не повысила голос, но родители обернулись. Алёна взяла свой экземпляр из папки. На бумаге было три коротких абзаца: разобраться в конфликте, обеспечить безопасность, обсудить меры с законными представителями. Утром она ещё убрала слова «виновный ученик», заменив их на «участники конфликта». Это казалось ей разумным достижением.

— «В связи с повторяющимися конфликтными ситуациями...»

— Не с того листа, — перебил Кравцов. — Я присылал окончательный.

— Окончательный мы не согласовали.

— Там только уточнение. У вас выходит, будто все одинаково бегали.

Вера встала сзади.

— Я могу послушать уточнение?

Кравцов вынул верхний лист. Передал женщине возле прохода, та — соседке. Пока бумага добиралась до заднего ряда, Павел Рябцев спросил, почему они опять говорят о словах, когда Даниил две недели не хочет оставаться после уроков.

— Потому что словами потом переводят детей, — ответила Вера.

— А вы спросили, почему он не хочет? — сказала Юлия Рябцева мужу.

Павел посмотрел на неё, и она поправила ручку сумки.

Вера прочла лист молча. Алёна видела, как у неё медленно разгладилась складка между бровями. До этого Вера казалась сердитой; теперь лицо стало неподвижным.

— «Рассмотреть вопрос о дальнейшем пребывании ученика Лозина Егора Викторовича в данном коллективе». Это ваши слова, Алёна?

— Нет.

— Шапка ваша.

— Шапку я сделала. Но текст...

— А подписи на второй странице? Тоже только шапка?

В классе зашевелились. Одна из матерей достала телефон. Пожилой мужчина с первого ряда спросил у учительницы, что вообще произошло: он пришёл вместо дочери и знал только, что внука надо записать на поездку. Алёна поставила ладонь на стол.

— Подписи собирались под другим текстом. У меня есть тот, который я отправляла.

— У меня тоже, — сказал Кравцов. — В группе всё сохранилось. Никто ничего не скрывает.

Он говорил спокойно и смотрел на родителей, а не на неё. Алёна открыла переписку, нашла свой файл и увидела, что после него Кирилл действительно прислал другой. «Немного усилил, иначе опять отпишутся». Под сообщением стояло несколько поднятых больших пальцев, один из них её собственный. Она поставила его в автобусе, когда Кравцов написал отдельно: «Посмотрите, пожалуйста». Тогда она решила, что подтверждает получение.

Вера всё ещё держала лист.

— Вы моего сына хоть спросили?

— Егор беседовал с Ириной Михайловной, — сказала Алёна.

— Я спросила вас.

— Я не собиралась беседовать с ним без родителей.

— Со мной вы тоже не беседовали. Вы написали, что нам надо обсудить вопрос в спокойной обстановке. Потом попросили прислать фотографию паспорта для ноябрьской поездки.

Кто-то неловко усмехнулся. Алёна почувствовала, как у неё нагрелись уши.

— Поездкой мы занимались до этого случая.

— А сын у меня до этого случая тоже был.

Ирина Михайловна попросила вернуть бумагу. Вера положила её на ближайшую парту и села, не снимая пальто. Учительница не стала читать вслух. Очки у неё сползли к середине носа.

— Такого обращения я не согласовывала. Школа рассмотрит каждое поступившее заявление, но от имени класса нельзя...

— А от чьего имени можно? — спросил Рябцев. — Каждый по одному придёт, вы каждому расскажете, что всё сложно. После этого они снова окажутся на лестнице.

— Вы там были? — спросила Вера.

— Я видел, как мой сын пришёл домой.

— Мой тоже пришёл. Весь красный. Только у вас, оказывается, ребёнок, а у меня «дальнейшее пребывание».

На этот раз Алёна не успела встать. Кравцов уже поднялся у прохода и, опираясь на парту, объяснял, что никто не отнимает у Лозиной сына, что речь о нормальной среде для всех, что родители слишком долго позволяли школе обходиться общими словами. Он перечислял даты с телефона. После каждой смотрел на учительницу, ожидая подтверждения. Ирина Михайловна подтверждала не всё. Там, где она отказывалась, он говорил: «Значит, этого вы просто не зафиксировали».

Женщина у окна попросила показать видео целиком. Алёна её поддержала: она видела только короткий отрывок, в котором Егор толкнул Даниила в плечо. До этого в кадре шумели,

после кто-то смеялся. Кравцов сказал, что оригинал нужен для проверки, а рассылать лица несовершеннолетних на двадцать восемь телефонов он не станет.

— Двадцать семь, — машинально поправила Алёна.

— Что?

— Семей двадцать семь.

Он замолчал, глядя на неё с искренним недоумением. И она впервые за вечер не нашла, чем исправить собственную реплику.

— Кирилл Сергеевич, — сказала учительница, — если у вас есть материал, имеющий отношение к безопасности детей, передайте его директору. Полностью.

— Передам. Когда будет понятно, что его не положат в шкаф.

Павел Рябцев потянул к себе лист жалобы, но не взял ручку.

— Сначала надо понять, что у кого есть. Меня лично сейчас больше беспокоит, куда это всё успело уйти.

— Вас беспокоит, куда ушло? — спросила Вера.

— В том числе. Потому что завтра их начнут узнавать на улице. Всех, вашего тоже.

Вера отвернулась к окну. На стекле отразилась её рабочая куртка, торчавшая из сумки; Алёна почему-то посмотрела именно туда. Знакомая вещь оказалась в чужой, недоступной ей жизни. Она помнила, что Лозина работает на складе, но до этого представляла склад скорее графиком смен, который мешает посетить собрание.

Разговор распался. Одна мать требовала отдельной встречи с директором, другая спрашивала, почему родители виновного должны сидеть со всеми, не дождавшись, чтобы виновного кто-нибудь назвал. Пожилой мужчина убрал листок с датами поездки и тихо спросил соседку, можно ли ему уйти. Алёна сказала: «Конечно», слишком громко и поспешно, словно разрешение входило в её обязанности.

Вера встала, подняла сумку и обратилась к учительнице:

— Моё заявление я принесу сама. Без класса.

— Завтра я с вами свяжусь, Вера Павловна.

— Сегодня не надо. Сегодня вы уже со мной поговорили.

Она вышла. Кравцов отодвинул стул, но за нею не пошёл. Его телефон коротко задрожал на парте. Он прочёл сообщение и прижал экран к папке.

Алёна хотела догнать Веру. Вместо этого собрала листы, потому что под одним оказалась страница с чужими телефонами, и раздала родителям даты контрольных. Руки выполняли знакомую работу быстрее, чем она успевала понять, зачем ещё её делает.

Когда собрание наконец закончилось, в классе осталось несколько человек. Юлия Рябцева ждала у двери, Павел говорил с Кравцовым вполголоса. Учительница попросила вернуть подписные листы. Кирилл положил два на стол, остальные убрал.

— Это мой экземпляр.

— Кирилл Сергеевич, подписи не принадлежат одному человеку.

— Хорошо. Я сниму копию и отдам.

Алёна посмотрела на часы: начало восьмого. Из мастерской дважды звонили, и она обещала сотруднице Тоне вернуться до закрытия. Дома нужно было разогреть ужин; в холодильнике стояла кастрюля, из которой Лиза ела, только если рядом находился ещё кто-нибудь голодный.

Она подошла к учительнице и сказала, что завтра прийдёт в группу оба варианта жалобы. Ирина Михайловна сняла очки.

— Сначала сами прочитайте оба. Не между делом.

Алёна хотела ответить, что она читала. Но на столе лежал лист с чужой фамилией, и её поднятый большой палец всё ещё светился в телефоне.

В коридоре она написала Лизе: «Ты дома?» Ответ пришёл, когда Алёна уже спустилась на первый этаж.

«Дома. У нас хлеб есть?»

Она улыбнулась впервые за вечер. Хлеб был. Это хотя бы не требовало обсуждения.

У гардероба стояла Ольга Кравцова. Поверх белой форменной рубашки была накинута короткая куртка. Лицо у неё покраснело с мороза или от быстрой ходьбы.

— Вы уже всё? — спросила она.

— Только разошлись. Кирилл наверху.

— Я знаю.

Ольга взглянула на лестницу и поправила рукав рубашки. На внутренней стороне запястья остался след от часов, которых не было.

— Антон не с вами? — спросила Алёна.

— Нет. Он дома.

Так же уверенно, как минуту назад написала Лиза. Алёна кивнула и пошла к выходу. Возле двери охранник остановил её: попросил сказать, кто ещё остался в двести четырнадцатом. Она назвала учительницу, Кравцова и Рябцева, потом вспомнила, что Павел мог уже уйти.

— Я точно не проверяла, — добавила она.

Охранник помахал рукой: понятно. Ему нужно было закрывать крыло, а не проводить перекличку взрослых.

На улице Алёна раскрыла зонт и всё-таки вернулась на два шага к стеклянной двери. Хотела окликнуть Ольгу, попросить передать Кириллу подписной лист утром. Но Ольги у гардероба уже не было. Алёна увидела только пустую верхнюю площадку лестницы.

Она достала телефон и позвонила в мастерскую. Тоня ответила сразу, с шумом работающего резака за спиной.

— Едешь?

— Еду. Красные конверты не отдавай, там клапан поплыл.

— Знаю. Я поэтому и звоню.

Алёна остановилась под зонтом. В груди ещё держалось неприятное школьное тепло, но знакомый производственный разговор позволял наконец выпрямить спину.

— Сейчас посмотрим, — сказала она. — Я сама проверю.

Глава 2. Вернуться за шарфом

В мастерской пахло нагретой бумагой и дешёвым апельсином. Тоня купила освежитель, поставила его на шкаф и теперь сама от него кашляла. Алёна первым делом переставила баллон в коридор, потом проверила конверты. На красном тёмная полоса казалась почти незаметной, пока не поднести клапан к лампе.

— Полсотни испорчено, — сказала Тоня. — Я остальные не стала.

— Правильно.

— Заказчик сегодня забрать хотел.

— Я поговорю.

— С ним разговаривать легче, чем с твоими родителями?

Алёна сняла куртку и повесила на гвоздь за дверью. Гвоздь шатался с июня, и каждый раз она собиралась попросить Илью его укрепить. После развода ей хотелось научиться самой исправлять такие вещи, но за прошедшие три года результатом стала в основном коллекция неподходящих отвёрток.

— Зависит, чей у него ребёнок, — сказала она.

Тоня улыбнулась, потом погасила улыбку, увидев её лицо.

Они позвонили заказчику по громкой связи, договорились о замене материала и утренней выдаче. Он приезжал в Смоленск на два дня и хотел забрать конверты перед отъездом. Алёна назвала скидку, которую считала справедливой. Мужчина попросил большую. Торг занял семь минут и не вызвал у неё ни обиды, ни замешательства: здесь по крайней мере обе стороны говорили, чего хотят.

Тоня ушла за новой пачкой, а Алёна открыла родительский чат. Там уже спрашивали, отменяется ли ноябрьская поездка. Кто-то написал, что после такого собрания детей лучше вообще никуда вместе не возить. Она набрала: «Поездка пока в силе, личные вопросы решаем отдельно». Посмотрела на слова и удалила «личные». Потом удалила всё.

Вместо этого позвонила Лизе.

— Ты поела?

— Да.

— Что?

— Мам, ты хочешь проверить суп по видеосвязи?

— Нет. Хлеб купи, если выйдешь. Я перепутала, у нас мало.

— Не выйду.

Алёна перестала перебирать конверты.

— Ты чего такая?

— Какая?

— Уставшая.

— Потому что устала.

Слышно было, как дочь закрывает кран. Вода несколько секунд ещё капала в раковину; потом Лиза чем-то стукнула по металлу.

— Я скоро. О собрании потом поговорим.

— Лучше не надо.

— Лиз.

— Мам, я не про тебя. Не хочу сегодня про школу.

Она попрощалась первой. Обычно Лиза ждала, пока Алёна закончит перечислять, что нужно сделать, и уходила от телефона, так и не нажав красную кнопку. Сегодня гудки появились сразу.

Тоня вернулась с пачкой бумаги и положила рядом с резакком.

— Домой иди. Я до девяти управлюсь.

Алёна посмотрела на часы. Было без двадцати девять. С момента её ухода из школы прошло больше часа. Она обещала Лизе прийти раньше и не помнила, как именно сформулировала обещание: «скоро» или «к восьми».

Она уже сняла куртку с гвоздя, когда позвонила Ирина Михайловна.

— Алёна, вы далеко?

Голос был таким тихим, что Алёна прижала телефон к уху.

— В мастерской. Что случилось?

— Тут Кирилл... Приезжайте, пожалуйста. Нет, не надо. Простите. Я не знаю, зачем звоню.

— Ирина Михайловна, что с ним?

В трубке послышался мужской голос. Не слова, а настойчивая просьба отдать телефон. Учительница ответила кому-то: «Я только родителю». Алёна стояла, продев руку в один рукав, и вдруг вспомнила, что оставила у первой парты чужой шарф.

— Скорую вызвали? — спросила она.

— Да. Уже здесь.

— Я еду.

Тоня не спросила ничего. Сама сняла с гвоздя Алёнину сумку и подала ей.

До школы таксист довёз её быстро. Она смотрела в окно на мокрые огни и пыталась написать Лизе, но никак не могла выбрать между «задержусь» и «в школе что-то случилось». Отправила первое. Второе осталось в строке набора.

У школьных ворот стояла машина скорой, возле входа — двое сотрудников полиции. Свет на втором этаже горел через одно окно. Алёна назвала фамилию, объяснила, что её позвала Пахомова, и поняла по лицу сотрудника, что её не ждут.

— Оставайтесь здесь. Я узнаю.

— Я председатель родительского комитета.

Он посмотрел на неё спокойнее, чем следовало бы после такого объяснения.

— Подождите, пожалуйста.

Алёна отошла к стене. Ей было стыдно за собственные слова, но ещё хотелось произнести их кому-нибудь, кто поймёт. Статус, который годами помогал войти в любую школьную дверь, оказался бесполезен у обычного стеклянного входа.

Охранник сидел за столом у гардероба. Его видно было сквозь стекло. Перед ним лежал раскрытый журнал, и он водил пальцем по строкам. На краю стола стояла кружка с недопитым чаем. Алёна откуда-то знала, что чай уже холодный.

Через несколько минут из школы вышла директор. За нею — Ирина Михайловна, закутанная в пальто, которое держала спереди обеими руками. Увидев Алёну, учительница остановилась.

— Зачем вы приехали... Я не должна была вас звать.

— Что с Кириллом?

Светлана Борисовна Кудрина подступила ближе.

— Кирилл Сергеевич умер. Пока никаких подробностей. Сотрудники разбираются.

Алёна посмотрела на окно двести четырнадцатого. С этой стороны она знала его по треснувшему отливу: весной фотографировала для заявки на ремонт. В окне двигались люди. Не было видно ни парт, ни доски, только светлые плечи и короткое перемещение чьей-то руки.

— Сердце? — спросила она.

Директор не ответила.

Ирина Михайловна подняла воротник пальто к губам.

— Я за шарфом вернулась. Детский шарф остался. И свет...

— Потом, — тихо сказала директор.

— Я думала, он ушёл. Я постучала...

Сотрудник полиции подошёл к ним и попросил учительницу пройти внутрь. Алёна сделала шаг следом, но он остановил её ладонью.

— Вам тоже нужно будет ответить на несколько вопросов. Только здесь подождите.

Она осталась с директором. По другую сторону ворот затормозила машина. Вышел Павел Рябцев, быстрым шагом подошёл к входу и, увидев их, замедлился.

— Что произошло?

— Кто вам сообщил? — спросила Кудрина.

— Юлия. Ей мама Леры позвонила. Это правда?

Директор кивнула.

Павел несколько секунд смотрел на дверь, потом вытащил телефон. Алёна услышала, как он сказал жене: «Да. Не приезжай. С Данилой будь». Потом отступил к воротам, уже отвечая на следующий звонок.

— Ольге сообщили? — спросила Алёна.

— С ней связываются.

— Она была здесь. Я её видела после собрания.

Светлана Борисовна посмотрела на неё так, словно эти простые слова оказались ещё одной неприятностью, которую предстояло куда-то положить.

— Когда?

— Я уходила. В начале восьмого. Не помню точно.

— Скажите это сотрудникам.

Из школы вынесли пустую медицинскую сумку. Фельдшер вернулся за чем-то и снова исчез за дверью. Алёна упорно смотрела на сумку: казалось, пока у людей остаются незаконченные движения, слово «умер» ещё может иметь служебное, временное значение.

Её отвели в маленький кабинет на первом этаже. Молодой сотрудник записал имя, телефон, спросил, во сколько она пришла, когда ушла и кого видела. Он не предложил чаю и не торопил. Алёна начала со списка родителей, полезла за ежедневником, но обнаружила, что он остался в мастерской.

— Я завтра принесу. Там точно, кто присутствовал.

— Вы сейчас расскажите то, что помните.

Она рассказала о собрании, жалобе, Кравцове и Лозиной. Произнесла: «У них был конфликт», услышала, как это звучит после смерти, и поспешила добавить:

— Только спор. Она ушла раньше меня. Я не знаю, что потом.

— Имя и отчество можете назвать?

— Вера Павловна. Отец Егора — Виктор. Он сегодня не приходил. Кажется.

Сотрудник поднял голову.

— Вы его видели сегодня в школе?

— Нет.

— Тогда пока так и запишем.

Алёна замолчала. Каждое уточнение отнимало у неё возможность объяснить картину целиком, зато оставляло что-то маленькое, что действительно произошло. Она видела Веру. Не видела Виктора. Видела Ольгу у гардероба. Не знала, поднялась ли та к мужу. Разговаривала с Тоней по телефону уже на улице.

В какой-то момент она назвала Лизу.

— Дочь учится в этом классе. Но она была дома.

— Откуда вы знаете?

Алёна открыла сообщение.

— Написала.

Он записал и это. Не возразил, но от уверенности в голосе матери на бумаге остались только слова дочери.

Когда еёпустили, на улице стояла Ольга Кравцова. Рядом с нею женщина в расстёгнутой дублёнке обнимала Антона за плечи. Мальчик был без шапки, в тонкой серой толстовке; на правой щеке виднелась длинная светлая царапина. Алёна не знала, была ли она раньше.

Ольга смотрела не на сына, а на открытую школьную дверь. Её короткая куртка теперь была застёгнута до горла. Белой форменной рубашки больше не было видно.

Подойти она не решилась. Ольга заметила её сама.

— Вы его видели? — спросила она.

— На собрании.

— Потом.

— Нет.

Ольга кивнула. Антон вывернулся из-под руки женщины, шагнул к матери и прижался плечом к её куртке. Ольга не обняла его сразу. Сначала потёрла пальцами застёжку на сумке, потом накрыла ладонью его локоть.

Алёна отошла к калитке и заказала такси. Машина долго не находилась. Она смотрела на экран и никак не могла вспомнить домашний номер подъезда, хотя приложение подставило его правильно.

В родительском чате появилось: «Уважаемые родители, убедительно прошу не распространять неподтверждённые сведения». Сообщение отправила директор с телефона Ирины Михайловны. Ниже уже спрашивали, убили ли Кравцова. Ещё ниже кто-то прислал фотографию скорой у ворот.

Алёна написала: «Пожалуйста, уберите фото». Сообщение прочитали четырнадцать человек, но снимок остался.

Лиза открыла дверь до звонка. На ней были домашние штаны и старая футболка Ильи, которую она отвоевала после его переезда. Кухонный свет падал из-за её спины; в прихожей пахло разогретым супом.

— Это правда? — спросила дочь.

Алёна сняла ботинки, не развязывая шнурков.

— Да.

Лиза отступила, пропуская её. На столе стояли две тарелки. Свою тарелку Лиза прикрыла перевёрнутым блюдцем, чтобы суп не остыл. Алёна посмотрела на вторую и неожиданно поняла, что голодна.

— Ты с Антоном разговаривала?

Лиза опустила глаза.

— Он написал.

— Что?

— Что отец умер.

Алёна повесила куртку. Ей хотелось обнять дочь, но Лиза уже пошла на кухню, налила воды в чайник и поставила его на подставку. Руки у неё двигались уверенно, только крышка не сразу попала в паз.

— Ты после уроков сразу домой пошла? — спросила Алёна.

Лиза повернулась.

— Почему?

— Ирина Михайловна сказала, ты собиралась в библиотеку.

— Собиралась.

— И?

— Мам, давай потом.

В этом «потом» не было обычной досады из-за домашнего задания. Алёна подошла к столу, села перед тарелкой и заметила у Лизы на внутренней стороне ладони синюю полосу. След ручки, размазанный водой, тянулся от большого пальца к запястью.

— Лиз, мне надо понять, когда ты ушла из школы.

Дочь держалась за край столешницы. Несколько секунд они смотрели друг на друга через кухню, в которой всё ещё могло оказаться обычным: суп, хлеб, незакрытая банка со сметаной.

Потом Лиза сказала:

— Только не звони сейчас никому.

Глава 3. Обещание на кухне

Алёна выключила закипевший чайник. Красная лампа погасла, и стало слышно, как по трубе в ванной проходит вода: соседи сверху возвращались с работы. Лиза всё ещё стояла у стола.

— Я никому сейчас не звоню. Садись.

— Ты всегда говоришь «сейчас».

— Хорошо. Я не стану обещать, что вообще никому не позвоню. Расскажи, что случилось.

Лиза подвинула стул ногой и села, подвернув под себя одну ногу. Обычно Алёна просила так не делать: стул расшатывался. Сейчас она придвинула дочери чашку.

— Я была в школе дольше, чем ты думаешь.

— До скольких?

— Не знаю.

— Посмотри в телефоне. Ты же...

Лиза резко подняла глаза, и Алёна остановилась. Вспомнила стол, раскрытый журнал охранныка, собственное «кажется». Но дома ей хотелось получить точную минуту сразу.

— Я потом посмотрю, — сказала дочь. — Я не всё время в телефон смотрю.

— Конечно.

— Ты так говоришь, будто я маленькая.

Алёна прижала ладони к горячей чашке. На столе лежал хлебный нож, и она убрала его в ящик, чтобы занять руки.

— Ты ждала кого-то?

Лиза кивнула.

— Кого?

— Мам.

— Это имеет значение. Там умер человек.

— Я знаю, что он умер.

Она произнесла это громко и сразу отвернулась. Алёна подумала об Антоне у школьного входа. О том, как он встал рядом с матерью, а та сначала не обняла его. Лиза могла знать этот взгляд гораздо лучше неё.

— Ты видела Кирилла Сергеевича после собрания?

— Нет.

— А до?

— Когда он пришёл. Внизу. Он со мной поздоровался.

— Вы разговаривали?

— Спросил, Антон ушёл или ещё здесь. Я сказала, не знаю.

— А знала?

Лиза провела пальцем по синему следу на ладони.

— Тогда не знала.

Алёна не сразу поняла, почему дочь выделила последнее слово. Потом спросила:

— Ты его ждала?

Лиза опустила плечи.

— С ним поговорить надо было. Я думала, он вернётся за рюкзаком.

— Где был рюкзак?

— У меня.

— В школе?

— Да.

Алёна посмотрела на прихожую. Возле Лизиних ботинок стоял только её собственный рюкзак с расстёгнутым боковым карманом. Из него выглядывала тетрадь по химии.

— А теперь где?

— Я отдала.

Она сказала это так тихо, что мать наклонилась к ней.

— Кому?

— Антону. Он пришёл. Мы пошли вместе.

— Домой?

— Не сразу.

Суп остывал между ними. Алёна чувствовала, что вопросы выстраиваются у неё сами: куда, когда, кто видел. Каждый был разумным, и вместе они загоняли дочь к краю стула.

Она взяла ложку, попробовала суп. Пришлось проглотить, хотя в горле стоял ком.

— Ты хочешь, чтобы я догадалась, о чём нельзя спрашивать?

Лиза покачала головой.

— Я хочу сама сказать. Только у тебя всё время следующий вопрос раньше, чем я закончила.

Алёна положила ложку. Дождалась, пока на лестничной площадке хлопнет дверь. Лиза взглянула на свой телефон, лежавший экраном вниз, и наконец продолжила:

— Я кое-кого видела. Возле класса. После собрания. Но не видела, что там произошло. Я не знаю, кто его...

Последнее слово не получилось. Лиза прикусила губу, и мать впервые заметила, что та искусана с внутренней стороны.

— Убили? — спросила Алёна.

Дочь кивнула.

До этого Алёна могла держаться за возможность внезапной болезни. Она не получала никакого официального объяснения, а в чате уже писали всё что угодно. Но Лиза произнесла не пересказ чужого сообщения, а ответ на вопрос о собственном наблюдении.

— Кто тебе сказал про убийство?

— Все пишут.

— Значит, ты сама этого не знаешь.

— Не знаю.

Алёна встала, взяла со стола две салфетки и снова села.

— Кого ты видела?

Лиза не ответила.

— Это был взрослый?

— Да.

— Из наших родителей?

Дочь вжалась спиной в стул.

— Я обещала.

— Кому?

— Не спрашивай.

Алёна сказала, что есть обещания, которые нельзя выполнять. Услышала в собственном голосе ту уверенную готовность, с какой раньше объясняла родителям сроки оплаты поездки, и ей стало не по себе. Лиза закрыла лицо ладонями.

— Ты даже не знаешь, что я обещала.

— Поэтому я и спрашиваю.

— Ты спрашиваешь, чтобы потом позвонить. Ты уже решила.

Алёна хотела возразить. Посмотрела на свой телефон возле хлебницы: экран только что загорелся сообщением от Рябцева. «Дети дома? Проверьте, пожалуйста. В личке обсудим, как помочь». Она перевернула аппарат.

— Я не могу скрыть от следствия, что ты была в школе. Это я действительно решила. Про другого человека пока ничего не знаю. С тобой случилось что-нибудь? Тебя пугали?

— Нет.

— Трогали?

— Нет, мам. Со мной всё нормально.

— Ты боишься за себя?

Лиза помотала головой.

— Тогда за кого?

Дочь встала так быстро, что стул ударился о стену.

— Я не буду сейчас. Я не могу. Ты можешь хоть один раз не довести разговор до конца?

Она ушла в комнату и не захлопнула дверь. От этого Алёне стало хуже: хлопок можно было списать на возраст и злость, а щелчок язычка замка прозвучал как спокойное решение.

Алёна доела суп, не чувствуя вкуса. Помыла обе тарелки, хотя Лизина почти не была тронута. Потом достала телефон и позвонила Илье.

Он ответил не сразу. За его спиной звучало радио, потом стихло.

— Что у вас?

— Ты знаешь про Кравцова?

— Лиза написала.

— Что написала?

— Что умер отец Антона. Спросила, дома ли я.

Алёна закрыла глаза.

— Ты почему мне не позвонил?

— Я сейчас собирался. Она пять минут назад написала.

— Ясно.

— Не ясно. У тебя голос как перед спором с управляющей компанией. Что случилось?

Она рассказала про школу, машину скорой, кабинет с журналом и то, что Лиза была там после уроков. Про человека возле класса сказала последним. Илья молчал так долго, что Алёна проверила, не оборвалась ли связь.

— Я приеду, — сказал он.

— Не надо сейчас устраивать ей второе собрание.

— Я не собираюсь устраивать собрание. Ты поела?

— При чём здесь... Да.

— Ладно. Через полчаса буду.

Она не успела сказать, что у неё завтра ранний заказ. Илья уже отключился. За годы после развода он научился заканчивать разговоры без её разрешения; Алёна считала это полезным умением и всякий раз раздражалась.

Она подошла к Лизиной двери.

— Папа приедет.

Из комнаты слышалось движение стула.

— Ты всё ему рассказала?

— Да. То, что знаю.

— Я же просила...

— Я не могу оставить тебя с этим одну.

Лиза не ответила. Алёна постояла у двери и пошла убирать со стола.

Илья приехал с пакетом хлеба и четырьмя грушами. На куртке у него блеснули капли дождя. Вместо вопроса, зачем груши, Алёна взяла пакет и сразу начала вытирать их полотенцем.

Он прошёл к дочери. Постучал, подождал ответа, вошёл. Дверь осталась приоткрытой. Из комнаты доносились их голоса, но слов Алёна не различала. Она перестала вытирать груши и заметила, что стоит посреди кухни, держа полотенце обеими руками, как Пахомова держала своё пальто у школы.

В телефон пришло сообщение от незнакомого номера. Просили утром связаться со следователем Черновой по поводу обстоятельств после родительского собрания. Алёна перечитала фамилию и сохранила контакт. Потом набрала короткий ответ: «Моя дочь была в школе дольше, чем я сообщила. Ей 16 лет. Хотим дать точные сведения. Как нам лучше поступить?»

Ответ пришёл через несколько минут: договориться утром о времени; сейчас не разбирать с дочерью подробности по многу раз, сохранить сообщения, в случае угроз немедленно обращаться. Алёна посмотрела на часы. Было уже почти одиннадцать.

Илья вышел из комнаты, прикрыв дверь.

— Она тебе сказала? — спросила Алёна.

— То же, что тебе.

— И ты не спросил, кого видела?

— Спросил. Не сказала.

Он снял куртку, повесил на спинку стула и сел. Под ней оказалась старая синяя кофта, которую Алёна помнила ещё с их общей квартиры. У локтя было заштопано, неровно, более тёмной ниткой.

— Она не смеётся над нами, Алён. Ей плохо.

— Я вижу.

— Тогда давай сейчас хватит.

— Я написала следователю.

Он кивнул. Ни похвалы, ни упрёка. Алёна почувствовала почти детскую досаду, потому что ей нужно было хоть от кого-то услышать, что она сделала правильно.

Через некоторое время Лиза вышла за водой. Увидела отца на кухне и остановилась.

— Ты останешься?

— На диване, если пустите.

— Там коробки.

— Значит, коробки сегодня поспят на полу.

Лиза тихо фыркнула. Первый похожий на смех звук за весь вечер. Алёна подвинула дочери чашку и сказала, что утром они договорятся о разговоре со следователем. Лиза смотрела на воду, пока та не перестала плескаться у края.

— Я сама скажу, что знаю, — произнесла она.

Алёна кивнула, хотя не была уверена, что дочь обещает рассказать всё. Илья потянулся за грушей. В комнате за стеной всё ещё горела Лизина лампа, и впервые за вечер Алёна не пошла её выключать.

Глава 4. Класс после всех

Когда Дарья Чернова поднялась на второй этаж, из двести четырнадцатого уже вынесли медицинское оборудование, но за дверью всё ещё пахло резиной и чужими мокрыми куртками. На подоконнике стояли две пустые бутылки воды. Одну из них учительница открывала для себя, вторую принёс охранник. Дарья попросила не убирать их до окончания осмотра и прошла к эксперту.

Кравцов лежал между столом и первым рядом. Пальто было расстёгнуто, рубашка сбилась у воротника. Возле стула лежали очки в тонкой чёрной оправе. Врач, приехавший по вызову, сообщил о действиях бригады и исходном положении тела с той точностью, с какой мог помнить; это записывали отдельно от слов Пахомовой.

Ирина Михайловна обнаружила его сидящим, голова была опущена вперёд. Сначала решила, что стало плохо. Позвала охранника, они пытались проверить реакцию, вызвали скорую, выполняли указания диспетчера. Дальше школа наполнилась людьми, у каждого из которых была причина войти в класс.

Эксперт показал повреждения, требовавшие исследования. Оснований считать смерть естественной было недостаточно; окончательное заключение даст после исследования тела. Дарья вернулась к вещам: у стола уже освобождали место, и нужно было успеть зафиксировать всё до нового перемещения.

На столе лежала прозрачная папка. Внутри — обращение к директору, листы с подписями и несколько сложенных вдвое распечаток переписки. На отдельном кадре двое подростков стояли на лестнице, один тянул другого за рукав. Лицо третьего обрезано краем. В левом нижнем углу виднелась тёмная полоса, словно снимок сделали с экрана. На обороте шариковой ручкой было написано: «Это ещё не всё».

Телефона не было ни на столе, ни в карманах пальто. Зарядный провод с потёртым кончиком лежал во внутреннем отделении сумки. Ключи, документы, бумажник оставались на месте.

— Кто забирал телефон? — спросила Дарья у Пахомовой уже в соседнем кабинете.

Учительница сидела на стуле, положив руки на колени. На правом большом пальце у неё прилип кусочек мокрой салфетки.

— Я не брала. Его телефон был на собрании. Он показывал. Чёрный.

— Кому показывал?

— Всем. Нет, не всем сразу. Читал с него.

— После собрания видели аппарат?

Ирина Михайловна сняла салфетку и сложила вчетверо.

— Кажется, в руке. Но я не уверена. Он сказал, что немного посидит, кое-что соберёт. Я попросила оставить класс открытым, охранник потом проверит.

— Вы собирались уходить?

— Да. У нас педсовета не было, я документы сдавала. Потом зашла к завучу. Всё задержалось. Я ушла, уже когда родители разошлись.

Дарья попросила рассказать путь от класса до выхода. Не кратко «сдала документы», а где именно была и кого видела. Пахомова несколько раз принималась объяснять, что не могла знать о случившемся, и всякий раз возвращалась к рассказу с середины. Дарья дала ей воду и сказала, что вопрос пока о последовательности.

Выяснилось: после собрания учительница спустилась в канцелярию, поднялась за тетрадями, разговаривала с Михаилом Дроновым у лестницы. Он приходил на собрание за дочь Настю и заодно смотрел выключатель в учительской. Потом Пахомова вышла. У ворот вспомнила про аптеку, дошла до неё, вернулась к остановке. Из класса написали, что в кабинете

оставлен шарф: хозяйка узнала его на фотографии доски, которую прислала другая мать. Пахомова решила забрать, чтобы утром не искать. Заодно собиралась проверить, выключен ли проектор.

— У меня внучка всё время шарфы теряет, — сказала она. — Я увидела сообщение и подумала, завтра у ребёнка опять...

Она замолчала. Дарья подождала, пока учительница продолжит сама.

В журнале охранника часть родителей была записана по фамилиям, часть вошла до начала собрания общей группой. Выходы не отмечались подряд: мужчина отвечал на звонки, пропускал сотрудников кружков, отводил курьера к пищеблоку.

Охранник, седой мужчина по фамилии Матвеев, сердился прежде всего на самого себя.

— Я же подняться хотел. Думаю, сейчас закрою, а там сидят. Ну не выгонять человека, родитель.

— Вы его сами видели после собрания?

— Кравцова? Нет. Грачёва сказала, там ещё учитель и мужчины. Потом Ирина Михайловна выходила. Я её проводил, хотел наверх. Тут женщина подошла про ребёнка на продлёнке, хотя у них не продлёнка, занятия. Объяснял, куда идти. Потом...

Он посмотрел на телефон, как будто пропущенные минуты могли там сохраниться без его участия.

Дарья попросила Устинова установить сотрудников, чьи занятия заканчивались в тот вечер, и родителей, вернувшихся или пришедших позже. Тот записал поручение и ушёл к дежурным; она осталась для следующих опросов.

Система наблюдения в школе была устроена неровно: вход просматривался лучше, лестничные площадки — частично, внутри классов камер не было. Заместитель директора по хозяйственной части нашёл ответственного сотрудника обслуживающей организации. Материалы сохраняли с оформлением и участием специалиста; Дарья попросила выгрузить доступный вечерний архив целиком, чтобы потом сопоставить разные проходы.

Устинов вернулся из коридора, держа блокнот раскрытым.

— Жена приехала. Говорит, была здесь раньше. Потом уехала, сын дома. Её сестра с мальчиком сейчас.

— Поговорю с нею. Телефон мужа?

— Говорит, при нём должен быть.

Ольгу провели в кабинет директора. Она не села, пока Дарья не убрала со стула чужую сумку. На рубашке у женщины был бейдж маленькой частной лаборатории; она заметила взгляд и сняла его, спрятала в карман.

— Это точно он? — спросила она.

Дарья ответила. Не предложила вновь посмотреть на фотографию. Ольга наклонила голову, словно старалась услышать сообщение с другой стороны.

— Когда вы сегодня видели мужа последним?

— Здесь.

— Расскажите.

Ольга поднялась в класс после собрания. Хотела поговорить об Антоне, который с утра отказывался идти домой после уроков. Кирилл сказал, что закончит и сам заберёт вещи сына, если понадобится. Они поссорились. О чём именно, Ольга сначала не захотела говорить.

— Это семейное.

— Я понимаю. Сейчас нужно установить, что происходило. Если хотите пригласить адвоката, у вас есть такая возможность.

— Я не убивала его.

Дарья не повторила эту фразу вопросом. Спросила, кто мог слышать разговор. Ольга сказала: не знает. Дверь была прикрыта, она не смотрела в коридор.

— Он живой был, когда я ушла. Разговаривал. Злой был. Сказал, я порчу ребёнка.

— Вы вернулись потом?

— Нет.

Ольга сняла куртку, потом сразу надела снова. На мгновение показались запястья без часов. Дарья спросила, не нужна ли ей медицинская помощь, нет ли повреждений. Ольга ответила, что помощи не нужно.

Ольга согласилась передать переписку, её получение оформили. На экране сохранились несколько пропущенных вызовов от мужа и последнее сообщение: «Не начинай опять. Я сам решу».

— О чём он должен был решить?

Ольга смотрела на экран.

— Об Антоне. Куда он пойдёт. С кем будет разговаривать. Всё время решал.

Она сказала это без слёз. За дверью кто-то уронил связку ключей, и женщина вздрогнула всем телом. Дарья предложила прервать разговор ненадолго, но Ольга покачала головой.

— Скажите, мне можно сына забрать? Он там сидит. Он думает, что я...

— Что он думает?

Ольга впервые заплакала. Лицо почти не изменилось, только слёзы быстро пошли по щекам.

— Я не знаю. Он мне ничего не говорит.

Позже, когда семью отпустили и осмотр ещё продолжался, Дарья на несколько минут вышла на крыльцо. Под ногами мокли жёлтые листья. У ворот разговаривали родители, которым никто не поручал оставаться. Кто-то привёз термос, кто-то стоял с пустыми руками и всё равно не мог уехать.

Павел Рябцев подошёл к Устинову, сказал, что может помочь с телефонами родителей. Алёна Грачёва только что уехала; её список, как выяснилось, остался в мастерской. Дарья попросила передать имеющиеся номера и не обзванивать людей ради общего рассказа.

— Я никому не собираюсь указывать, — ответил Павел. — Но дети-то между собой всё обсуждают. Надо хотя бы взрослым понимать, что говорить.

— Говорить то, что знаете сами. А детям дать возможность рассказать без подсказки.

Он посмотрел на неё, потом на освещённые окна.

— Вам легко. Вы их завтра опять вместе не посадите.

Дарья не стала спорить. Завтра детей действительно собирались учить, и для школы это было не отвлечённой заботой о репутации. Она записала предложение Павла, уточнила, когда он ушёл, и попросила быть доступным для разговора.

На телефон Дарьи пришёл ответ Грачёвой: её дочь тоже была в школе дольше, чем мать сообщила. Дарья договорилась связаться утром. Ночью предстояло сохранить то, что могло исчезнуть, а не пытаться получить от каждого испуганного человека законченный рассказ.

Она убрала телефон и подошла к столу, где специалист фиксировал содержимое папки. У листа с подписями по нижнему краю прошла светлая полоса — бумагу когда-то перегнули, потом разгладили. Подписи начинались значительно ниже заголовка.

Дарья попросила снять этот лист целиком, с обеих сторон. Потом открыть следующий.

Глава 5. Не вместо дочери

Утром Лиза отказалась от каши, но взяла бутерброд, который сделал Илья. Алёна увидела в этом что-то личное и сразу рассердилась на себя. Разница была простая: она предлагала дочери завтрак одновременно с вопросом о телефоне, а Илья положил хлеб на тарелку и отошёл.

Школа сообщила, что занятия десятых классов начнутся позже и по другому расписанию. Двести четырнадцатый закрыт. Желающие могли остаться дома, уведомив классного руководителя. В сообщении не было ни слова о том, что дети будут делать с известием об убийстве отца одноклассника; ниже прикрепили контакт школьного психолога.

Алёна переслала номер Лизе и услышала из комнаты:

— Я вижу общий чат.

Тоня позвонила в девять. Красные конверты получились, заказчик готов забрать, но требуется Алёнина подпись и подтверждение скидки. Алёна сказала, что пришлёт всё в течение часа. Через минуту следователь предложила время разговора, и мастерская опять отодвинулась.

— У меня работа, — сказала Алёна, сама не понимая, жалуется или отказывается.

— Можем согласовать удобное время сегодня, — ответила Чернова. — Мне важно поговорить с вашей дочерью. С вами отдельно тоже.

Они договорились на одиннадцать. Следователь объяснила порядок, уточнила возраст, возможность участия законного представителя, рассказала об адвокате и видеозаписи. Алёна записывала слова на обороте старого заказа. У «законный представитель» поставила звёздочку, потом зачеркнула: выяснилось, что это не человек, которого им теперь нужно искать, а они с Ильёй.

Когда она пересказала разговор дочери, Лиза спросила:

— Папа может со мной?

Илья стоял у раковины, мыл кружку. Алёна посмотрела на него, потом на Лизу.

— Может. Я тоже имею право быть.

— Я не говорю, что ты не имеешь.

— Тогда почему?

Лиза отодвинула тарелку.

— Потому что ты ответишь раньше меня. Даже если промолчишь, я всё равно буду смотреть, правильно ли говорю.

Алёна почувствовала, как поднимается ответ: она никогда не учила дочь врать, не собиралась отвечать вместо неё и вообще пытается помочь. Илья поставил кружку сушиться, не вмешиваясь. Лиза ждала.

— Хорошо, — сказала Алёна. — Я подожду в коридоре.

Дочь кивнула и пошла одеваться.

В здании следственного отдела пахло мокрой обувью и бумагой. На лестнице Лиза замедлила шаг, мать по привычке положила ладонь ей на спину. Лиза не отстранилась. От этого простого разрешения у Алёны зашипало глаза, и она сердито посмотрела в окно.

Дарья Чернова оказалась младше, чем Алёна представляла по ночному голосу. Тёмные волосы собраны, на запястье тонкая резинка, возле компьютера — чашка с давно потемневшим следом чая. Проверила необходимые данные, объяснила права и порядок обычными словами. Алёна ещё раз сказала, что не возражает против участия отца и сама подождёт снаружи.

Лиза оглянулась на неё перед дверью.

— Я потом сама расскажу.

Алёна кивнула. Села на жёсткий стул в коридоре, достала телефон и открыла рабочую почту. Перед ней были те самые конверты: заказчик сфотографировал первую стопку, чтобы уточнить оттенок. Красный на снимке стал почти кирпичным. Она написала, что цвет зависит от освещения, потом удалила лишнее объяснение и подтвердила согласованные условия.

За дверью иногда слышались голоса, но слов она не разбирала. Можно было пересест ближе, напрячь слух, различить вопрос. Алёна осталась на месте, прижав сумку коленями.

Позвонила мама. Алёна ответила шёпотом, сообщила, где они. Мама ахнула и спросила, зачем Лиза вообще оставалась в школе вечером. Алёна сказала: «Потом», и неожиданно услышала, как удобно это слово выглядит с другой стороны.

Через некоторое время Лиза вышла вместе с отцом. Вид у неё был не заплаканный, а усталый, как после долгой контрольной. Илья спросил, где можно купить воды. Алёна протянула свою бутылку и не стала немедленно спрашивать, что рассказала дочь.

— Тебя ждут, — сказал он.

Алёна вошла. Чернова предложила сесть, снова объяснила её собственное положение и необходимые права. Теперь мать была отдельным свидетелем со своим вечером, а не приложением к Лизину рассказу.

Сначала они подробно прошли собрание. Дарья попросила показать сообщения с вариантами обращения. Алёна открыла переписку, нашла исходный файл и отдельно — исправленный Кравцовым. Рассказала про поднятый палец под его сообщением.

— Я подтверждаю, что получила. Не соглашалась с исключением Егора.

— Вы это тогда написали?

— Нет.

— Кому-нибудь сказали до собрания?

Алёна вспомнила автобус, вечерний заказ, голос Лизы, спрашивавшей, где её спортивные носки. Всё это могло объяснить рассеянность, но не ответить на вопрос.

— Не помню, чтобы говорила.

Чернова попросила сохранить исходную переписку и файлы. Договорились, как материалы будут получены и оформлены; Алёна не пересылала их в общий чат следом за разговором. Потом следователь вернулась к последним минутам в школе.

— Вы назвали Рябцева среди оставшихся. Видели, что он после вас не выходил?

— Нет. Я его видела в классе перед тем, как ушла. Они с Кириллом разговаривали. Потом он мог пройти мимо.

— Слышали, о чём?

— Нет.

— С Ольгой разговаривали у гардероба?

Алёна повторила короткий обмен: собрание закончилось, муж наверху, Антон дома. Чернова спросила, сама ли Ольга сказала последнее или мать додумала по смыслу. Алёна помнила вопрос про Антона слишком отчётливо, чтобы спутать его с предположением.

— Сказала. «Нет. Он дома».

Дарья записала. Алёна ждала вопроса о том, что увидела Лиза, но следователь его не задала. Вместо этого спросила о времени звонка в мастерскую. Алёна показала журнал вызовов, потом сообщение дочери. Ночная уверенность рассыпалась на отдельные отметки: сообщение не доказывало, что Лиза сидит на кухне, а звонок Тоне был единственной точкой, которую можно было связать с её собственным выходом.

— Я неправильно сказала вчера, что дочь дома, — произнесла она. — Я сама её там не видела.

— Вы сообщили, откуда знаете. Сейчас уточнили. Дальше будем сопоставлять.

Алёна почувствовала облегчение и почти сразу — стыд за него. Она пришла помогать дочери, а всё время проверяла, не сделала ли сама чего-то непростительного.

Разговор занял больше часа, с коротким перерывом. В конце Чернова спросила, связывался ли с нею кто-нибудь, предлагая общую версию событий. Алёна вспомнила сообщение Павла и показала его. Потом сказала, что это могло быть обычной заботой о детях.

— Могло, — согласилась следователь. — Если будут обсуждать конкретные ответы за других людей, сообщите. Не пытайтесь согласовать общую версию за весь класс.

— Я и не собиралась.

Чернова посмотрела на прозрачную обложку с подписными листами, которую Алёна принесла из мастерской.

— Я сейчас о дальнейших действиях.

Алёна убрала руки со стола.

Внизу Илья и Лиза стояли у окна. Отец показывал дочери что-то на экране, она качала головой.

— Не та, — сказала Лиза. — Там кошка была на батарее. Эта просто лежит.

— По-моему, лежащая кошка тоже имеет право быть смешной.

Алёна подошла. Лиза сразу убрала телефон, как будто разговор о кошках следовало скрыть после того, что они здесь делали.

На улице дождь прекратился. Они шли к машине Ильи, и Алёна наконец спросила, хочет ли дочь рассказать ей сейчас или дома. Лиза посмотрела на отца.

— Сейчас. Я видела Ольгу Сергеевну. Она вышла из класса.

Алёна остановилась. Люди обошли их по тротуару.

— Кравцову?

— Да.

— Ты видела, что она выходила именно оттуда?

Лиза кивнула.

— Я это сказала. Но не видела, что было внутри. Дверь закрылась. Она прошла по коридору, меня не заметила.

— А Антон?

— Пришёл потом. Мы встретились внизу. Я уже была с рюкзаком.

Алёна поняла, почему дочь не хотела вопросов. Антон мог знать, что мать приходила к отцу, мог думать, что она виновата, мог просто бояться, что взрослые снова решат всё за него. Она не знала ни одного из этих ответов.

— Ты поэтому обещала молчать?

Лиза отвернулась.

— Я рассказала, что видела. Про остальное потом.

Алёна открыла рот. Илья щёлкнул брелоком, машина ответила коротким звуком.

— Поедем, — сказал он. — Здесь стоять неудобно.

Лиза села сзади. Алёна осталась у открытой передней двери и заметила на подошве ботинка кусочек прилипшей бумаги. Сняла его, смяла, поискала глазами урну. Илья молча протянул пустой пакет из-под хлеба.

— Ты на работу? — спросил он.

— Да. Если вы...

— Мы доедем домой. Потом я на два часа уеду, встреча. Лиз, ты как?

— Нормально.

Он не стал уточнять, что значит «нормально». Алёна села и пристегнулась. На экране телефона светилось сообщение из группы: «Нам всем надо собраться без школы. Иначе нас по одному перессорят».

Написала мать Леры, та самая женщина у окна, просившая показать видео целиком. Под сообщением уже стояло пять одобрений. Алёна убрала телефон в сумку, не нажав ничего.

Глава 6. Без школы

Тоня встретила Алёну молча и поставила перед ней стакан остывшего кофе. Заказчик конвертов уже ушёл. Скидку он получил, благодарить не стал, зато оставил новый заказ — пятьсот приглашений, к понедельнику. Алёна почувствовала слабую радость, которой тут же стало неловко.

— Бери, — сказала Тоня. — Ты как раз сейчас головой занята, руками отдохнёшь.

— Я работаю головой, если ты не заметила.

— Заметила. Сегодня она ушла в отпуск без предупреждения.

На столе лежали два макета. Алёна прочла первый: имя именинницы, ресторан, время. На втором была фамилия Кравцова.

Тоня проследила её взгляд и перевернула лист.

— Сестра жены звонила. Пока только узнать, можем ли. Я сказала, перезвоним.

— Это кто тебе прислал?

— Они. Что ты так смотришь? Я не печатала ничего без согласования.

Алёна села. Вчера человек требовал перевести чужого сына, сегодня его фамилия уже стояла в чёрной рамке. Она работала с такими карточками много лет и знала, как быстро скорбь обрывает форматом, тиражом, сроком выдачи. Всё равно хотелось унести лист туда, где он не лежал бы рядом с приглашением на юбилей.

Она позвонила сестре Ольги, представилась, сказала, что поможет с печатью, когда будет понятно время. Женщина спросила о цене и, услышав ответ, долго молчала.

— Совсем бесплатно не надо, — сказала она наконец. — Оля потом будет переживать.

Алёна назначила себестоимость. Это оказалось легче, чем настаивать на великодушии.

К четырём она успела проверить два заказа, испортить ножом край плотного картона и разобраться с долгом поставщику, который ещё утром казался мелким. Тоня попросила уйти в шесть: у сына поднялась температура. Алёна сказала, что сама закроет мастерскую.

Встречу родители назначили на семь в кафе, где Наталья Захарова подрабатывала по вечерам бухгалтером. «Без посторонних, отдельный угол». Алёна собиралась отказаться, но Наталья позвонила лично.

— Нам нужно, чтобы кто-то вёл. Иначе опять крики.

— Я не знаю, чем могу помочь.

— Ты хотя бы всех знаешь. Мы сейчас друг друга растеряем.

Алёна посмотрела на стопку приглашений. Ей было приятно, что её всё ещё считают человеком, способным удержать комнату. Она пообещала прийти на полчаса.

В кафе сидели одиннадцать родителей. Два стола сдвинули под стеной, посередине поставили чайники и тарелку печенья, которого никто не касался. Михаил Дронов отодвинул Алёне стул. На рукаве его свитера виднелся светлый след краски.

— Заказывай что-нибудь, — сказал он. — А то сейчас будет собрание с арендой воздуха.

Наталья раздала блокноты из пачки с рекламой кафе. Её дочь Лера любила фотографировать, и мать каждый раз показывала самые удачные снимки, даже если разговор начинался с оплаты школьного питания. Сегодня Наталья держала телефон экраном вниз.

— Давайте сразу решим, — начала она. — Никаких версий. Только что делать с детьми.

— Переводить, — сказала женщина в светлом пуховике. — Я уже узнавала. Есть место в другом десятом.

— Всех не переведёшь, — ответил Дронов.

— Мне всех не надо. Мне надо свою.

В комнате стало тихо. Алёна поднесла чашку к губам, но чай обжёг. Раньше такая реплика считалась бы почти предательством класса; сегодня никто не мог запретить матери искать другое место для дочери.

Павел Рябцев сидел в конце стола без жены. Он передвинул к себе чайник и сказал:

— Школа тоже должна отвечать. Взрослый умер в кабинете, а нам сегодня прислали замену расписания. Ни охраны, ни объяснения.

— Охрана есть, — сказала Алёна. — Я видела.

— Скорая тоже была. Результат мы знаем.

Наталья подняла ладонь.

— Мы же договорились без версий.

— Это не версия. Это факт.

Дронов спросил, что именно Павел предлагает. Тот вынул телефон и прочёл несколько пунктов: официальный ответ о безопасности, встреча с директором, присутствие взрослых на входе в часы занятий, помощь семье Кравцовых. Последний пункт все поддержали сразу. Потом оказалось, что никто не знает, в какой форме Ольге нужна помощь.

— Я делаю карточки, — сказала Алёна. — С её сестрой договорилась.

— Деньги соберём? — спросила Наталья.

— Сначала спросить надо.

— Пока спросим, всё закончится.

Алёна вспомнила чужие подписи и поставила чашку.

— Наташа, я спрошу. Сегодня. Не надо сейчас отправлять деньги мне.

Наталья кивнула, но разочарование на лице осталось: ей хотелось немедленно сделать хотя бы то, на что люди ещё были способны вместе.

Разговор неизбежно вернулся к жалобе. Женщина в пуховике спросила, будут ли теперь разбираться с Егором или всё забудут из-за убийства. Дронов резко повернулся:

— А ты чего ждёшь? Что его завтра выведут под руки?

— Я жду, что моя дочь спокойно будет ходить в школу.

— Настя тоже моя дочь. И я не понимаю, при чём здесь сейчас Лозин.

Павел положил ладонь на стол.

— При том, что конфликт не исчез. Кирилл умер, а причина собрания осталась.

— Причина или фамилия? — спросила Алёна.

Все посмотрели на неё. Она не собиралась произносить красивую реплику; вопрос получился из того же усталого раздражения, с каким утром не могла найти файл.

— Мы подписывали разные тексты. Я хочу понять, кто что видел.

Наталья вынула свой экземпляр. Полосатая тетрадная обложка, внутри два согнутых листа. В её версии фамилии Егора не было. У женщины в пуховике — была. Дронов признался, что подписал в коридоре на отдельном листе.

— Я тогда Насте звонил, она на остановке стояла. Павел дал, говорит, это чтоб школа отреагировала. Я и расписался.

Рябцев не отвёл взгляда.

— Я никому руку не выкручивал. Ты взрослый человек.

— Да я и не говорю, что выкручивал.

— А звучит так.

Алёна попросила показать листы, но Наталья не выпустила свой из рук.

— Давайте не превращать в следствие. Потом начнут говорить, что мы тут договаривались.

— Мы уже договариваемся, — сказала женщина в пуховике. — Про охрану, про директора. Что теперь, вообще молчать?

Павел повернулся к Алёне:

— Тебя сегодня спрашивали про собрание?

— Да.

— Про кого конкретно?

Она увидела, как Наталья замерла с листом. Дронов перестал вертеть ложку. Можно было назвать Лозину, Кравцову, Рябцева, объяснить, что вопросы задают обо всех, и вернуть беседе обычный смысл. Но через десять минут её ответ уже пошёл бы гулять по телефонам.

— Про то, что я видела. Я не буду пересказывать чужие вопросы.

— Зря. У нас же нет задачи скрываться друг от друга.

— Тогда зачем спрашивать, кого спрашивали?

Он откинулся на спинку стула.

— Чтобы понимать, что происходит. Тебе не хочется?

Ей хотелось так сильно, что она чуть не ответила сразу. В этот момент за стеклом появился Виктор Лозин.

Сначала Алёна узнала его по куртке: Егор однажды рисовал отца для школьного стенда, и куртка на рисунке занимала половину листа. Виктор потянул дверь, оглядел кафе и быстро пошёл к столу. Наталья встала.

— Мы вас не звали.

— Я понял. Вы нас теперь никуда не зовёте, только обсуждаете.

— Это встреча родителей, — сказал Павел.

Виктор остановился возле его стула.

— А я кто?

Дронов поднялся между ними.

— Виктор, садись. Не надо сейчас.

— Что не надо? Ты был вчера? Миш, ты видел, как Кирилл сидел и читал про моего сына?

— Был.

— И промолчал.

— Я многого не знал.

— А сейчас знаешь?

Дронов отвёл глаза. Виктор достал из кармана смятый лист, положил перед Алёной. Это был снимок жалобы, распечатанный криво, с полосами по краям.

— Убери его имя. Отзови это. Сегодня.

— Я не подавала это обращение от себя.

— Твоя подпись есть?

Алёна посмотрела на нижнюю страницу. Фамилия Грачёвой стояла третьей. Она узнала собственное быстрое «Г» и росчерк, который всегда уходил под следующую строку.

— Есть.

— Тогда отзови.

Павел тоже встал.

— Ты сейчас на женщину не дави.

Виктор даже не повернулся к нему.

— Она моего мальчика из школы вытаскивает. Её можно попросить перестать?

Алёна отодвинула стул.

— Можно. Я завтра напишу директору, под чем именно подписывалась. И от имени всех выступать не буду.

— Сегодня, — повторил Виктор.

Она посмотрела на него. Глаза были красные, на щеке порез от бритвы. Ей хотелось сказать, что сегодня уже поздно, директор тоже человек, да и одно письмо не остановит всё сразу. Вместо этого она открыла в телефоне почту.

— Хорошо. Сегодня отправлю. Но слова за тебя и за Егора не напишу. Только про себя.

Виктор кивнул и убрал смятый лист обратно. Постоял ещё секунду, словно забыв, за чем пришёл после первого требования.

— Ему сегодня сказали: «Твой батя Кравцова убил». На перемене. Он даже в школу не ходил, ему в телефон написали. Вот с этим тоже разберитесь на своей встрече.

Он ушёл. Никто не побежал за ним. Дронов медленно сел, Наталья посмотрела на нетронутое печенье.

— Это ужасно, — сказала она.

— Так давай напишем, чтобы не писали, — предложила женщина в пуховике.

— Кому? — спросила Алёна.

Ответа не было. В соседнем зале отмечали день рождения ребёнка; музыка играла тихо, но иногда прорывался звонкий смех. Наталья попросила официантку закрыть дверь.

Алёна составила письмо при них. Прочла вслух только свой абзац: подписывала первоначальное обращение с просьбой разобраться в конфликте, требования о пребывании конкретного ученика не поддерживает, разрешения присоединять подпись к иному тексту не давала. Уточнила, что это её личное сообщение. Отправила директору и попросила зарегистрировать.

Дронов попросил переслать ему текст.

— Сам напиши, — сказала она.

— Я не умею так.

— Напиши как умеешь. Главное, что ты сам подписывал.

Он помолчал, достал телефон. Женщина в пуховике убрала свой лист в сумку. Павел на Алёнино письмо ничего не сказал.

Домой она пришла позже, чем обещала. Лиза сидела на полу в комнате и собирала из картонных кусочков макет небольшого домика. Рядом стояла керамическая миска с клеем, на ковре лежали обрезки. Илья уехал, оставив дочери суп в маленьком контейнере, чтобы ей не пришлось греть всю кастрюлю.

— Что это? — спросила Алёна.

— К занятиям. Мы с Лерой делаем. Уже месяц.

— Я знаю.

Лиза посмотрела на неё, и Алёна поняла, что не знает: помнит только просьбу принести из мастерской плотный картон. Дочь подвинула крышу, показала маленькое окно.

— Тут свет будет. Только провод пока некрасиво.

Алёна села рядом на край ковра.

— Дай посмотреть.

Лиза не сразу, но подала домик. Пока мать держала его осторожно двумя руками, телефон на столе несколько раз коротко завибрировал. На экране возникло имя Антона. Дочь потянулась к аппарату, увидела сообщение и побледнела.

— Что? — спросила Алёна.

Лиза забрала домик, поставила на пол.

— У них дома были. Обыск.

Слово оказалось слишком большим для комнаты с клеем и картонными окнами. Алёна посмотрела на дочь и впервые испугалась не только того, о чём та молчит, но и того, что её рассказ уже мог изменить в чужом доме.

Глава 7. Второй вход

Ольга Кравцова заперлась в ванной, когда в квартире закончили. До этого она держалась: отвечала, показывала, где документы, попросила не сдвигать аквариум, потому что ножка подставки треснула. Теперь Антон сидел на полу у двери и смотрел на носки собственных кроссовок.

Дарья ждала, пока женщина выйдет. Сестра Ольги стояла на кухне, стиснув губы. На столе остывал нетронутый чай. По окончании обыска, проведённого по судебному решению, Дарья проверила документы и выслушала замечание о переставленных коробках.

Нужного телефона не нашли. Нашли семейный планшет, старые аппараты, письменное заявление Ольги о разводе, которое она ещё не подала, и распечатку с угрозой Кириллу. «Будешь лезть к Егору — пожалеешь». Авторство следовало проверять; имя Виктора Лозина под сообщением не заменяло такую проверку.

Ольга вышла из ванной, вытирая лицо бумажным полотенцем.

— Вы теперь всем скажете, что я хотела развестись?

— Это не для общего обсуждения. Но о причинах и последних разговорах нам нужно будет поговорить.

— Причины у нас семь лет. Вам все семь лет рассказать?

Антон поднял голову. Дарья предложила согласовать время отдельного разговора, напонила о возможности участия приглашённого адвоката. Ольга кивнула, потом спросила, когда отдадут тело. В голосе появился деловой, почти раздражённый звук: дата, справка, человек, которому можно позвонить. С этим ей было легче стоять.

В машине Устинов положил блокнот на колени.

— Камеры у лаборатории её вечером подтверждают. Но не весь промежуток.

— Какой именно?

Они разобрали две отметки: выход с работы, потом возвращение за сумкой, которую Ольга оставила в комнате персонала. Между ними помещался визит в школу. Дальше она была у сестры; та сперва сказала, что Ольга приехала до восьми, потом признала, что не смотрела на часы. Надеяться на одну уверенность родственницы нельзя было.

Из школы получили первые материалы. Специалист показал запись входа, пояснил состояние времени системы и ограничения кадров. Вход Ольги был виден. Выход перекрыла группа посетителей вечерних занятий, и по одному этому фрагменту проследить женщину до ворот не получалось. На другом кадре, значительно позже, мужчина в тёмной куртке пересекал двор у хозяйственного прохода. Лица почти не было видно.

— Лозин? — спросил сотрудник, стоявший рядом.

Устинов покачал головой.

— Пока мужчина в куртке.

Хозяйственный проход вёл к помещениям, где занимались старшие школьники из театральной группы. Ключи имелись у нескольких сотрудников, иногда туда приносили декорации. В вечер собрания внутри работала уборщица; она открывала для выноса мешков. По её словам, около прохода стоял Дронов, помогавший переставить старую стойку.

Дарья попросила установить время по записям и наблюдениям других людей, проверить, кто в тот вечер открывал проход.

Дронов явился на разговор в испачканной рабочей куртке, с пластырем на костяшке пальца. Сразу положил на стол телефон.

— Там всё. Я после школы к клиенту поехал, он может сказать.

— Сначала расскажите сами.

— Да я и рассказываю. Выключатель посмотрел, тетради Ирине Михайловне помог донести. Потом сзади стойку вынесли, она мешала. Минут десять. Дальше уехал.

— С кем выносили?

— С уборщицей. Не знаю, как её зовут. Раньше видел.

— С Кириллом Кравцовым после собрания разговаривали?

Дронов убрал телефон обратно в карман.

— Разговаривал.

— О чём?

— О дочери. Он хотел, чтобы Настя ему что-то прислала. Я сказал, пусть сначала мне объяснит.

— Что именно прислала?

— Видео. Которое у них гуляет. Они всё друг другу шлют. У Насти есть что-то, я не смотрел.

Дарья попросила вернуться к разговору с Кравцовым. Дронов потёр пластырь, заметил её взгляд и сказал, что порезался на работе. Она уточнила, где и когда это случилось, кто был рядом.

— Он мне сказал: «Твоя дочь тоже там была». Я ответил, что без меня с ней говорить не надо. Кирилл вообще любил детям объяснять напрямую. Взрослым не хватало, что ли.

— Когда это было?

— Вчера после собрания. У двери. Потом я пошёл к выключателю.

— Вы видели Ольгу Кравцову?

Дронов задумался.

— Белая рубашка? Внизу вроде. Но я жену его плохо знаю.

— А Виктора Лозина?

— Снаружи. Он у машины стоял. Я ещё подумал, чего не заходит.

Это было первое сообщение, помещавшее Виктора рядом со школой после его собственного объяснения, что вечером он дома. Дарья уточнила, по чему Дронов узнал мужчину, где находился сам, что мешало видеть. Он называл машину, рост, знакомую походку, но не утверждал, что рассматривал лицо при ярком свете. Версия требовала проверки.

Когда Дронов ушёл, Устинов принёс ещё одно сообщение. Номер Кравцова оставался недоступен, но часть его переписки удалось получить от собеседников. В понедельник он просил ещё одного человека «после собрания не уходить». При первом разговоре адресат утверждал, что речь была обо всех подписавших.

— Кто? — спросила Дарья.

— Пахомова. Он ей писал отдельно. Просил открыть ему архив с пятницы. Она отказала. Потом говорит, хотела всё-таки выяснить, что у него есть.

Дарья вернулась к первому рассказу учительницы. Фраза «немного посидит, кое-что соберёт» теперь выглядела не ложью сама по себе, а недостаточной частью разговора. Она назначила новый допрос и попросила сохранить переписку в исходном виде.

Поздним вечером пришли предварительные сведения исследования тела: обнаружены признаки сдавления шеи. Окончательных результатов ещё не было, но внезапный приступ уже казался всё менее вероятным.

Она разложила перед собой снимок школьного входа, план этажа и первый список посетителей. У Ольги была ссора с мужем, у Лозина — угроза, у Дронова — спор о дочери и путь через хозяйственный проход, у учительницы — нерассказанный разговор. Все четыре обстоятельства были настоящими; убийство от этого не становилось четырьмя.

Павел Рябцев сообщил, что после собрания заехал в магазин, потом домой. Чек сохранился, продавца можно найти, жена дома. Важные крайние точки, между которыми ещё оставалась дорога. Дарья отметила их и не зачеркнула фамилию.

Её собственный сын написал: «Ты не забыла подписать согласие?» Класс собирался в музей, и Дарья уже третий день забывала передать подписанный лист. Она написала матери, которая оставалась с мальчиком сегодня вечером, где его найти, и попросила положить в рюкзак. Хотелось выдать эту маленькую удачу за способность управляться со всей остальной жизнью.

Устинов заглянул из коридора.

— Группа родителей без школы собралась. Лозин к ним пришёл, шумел. Грачёва письмо директору отправила, что подпись под другой текст ставила.

— Угрожал кому-нибудь?

— По тому, что рассказали, требовал убрать имя сына. Но там каждый уже слышал своё.

Дарья посмотрела на снимок из папки Кравцова. В кадре одна рука тянулась к чужому рукаву, другая оставалась за обрезанным краем. Она попросила Устинова не строить последовательность подросткового конфликта по этому изображению.

— Нам нужны исходные записи. И отдельно люди, которые видели, что происходило до и после.

— Настя Дронова?

— В том числе. С её родителями. И Лиза Грачёва. Она сама была там.

Она закрыла папку. В комнате стало слышно, как гудит системный блок. На полях списка присутствовавших Дарья дописала вопрос: кто вернулся?

Глава 8. Место у окна

В четверг Лиза пошла в школу. Алёна предложила довезти её, но дочь сказала, что встретится с Лерой. На вопрос, придёт ли Антон, пожала плечами. Перед выходом долго искала белую рубашку, потом надела серый свитер, хотя обычно спорила с матерью, что в нём жарко.

— Звони, если захочешь уйти, — сказала Алёна.

— Я не уйти хочу. Я хочу, чтобы день нормально прошёл.

— Я понимаю.

Лиза поправила рюкзак и посмотрела на неё недоверчиво, но не стала спорить.

Через час Алёна тоже оказалась у школы: директор назначила короткую встречу по её письму. В коридоре первого этажа висела новая схема кабинетов. Двести четырнадцатый был заклеен белым прямоугольником. Тёмный след старой цифры всё равно просвечивал.

Возле кабинета директора сидела Вера Лозина. Сумка с рабочей курткой стояла у её ног, в руках был прозрачный пакет с документами. Алёна поздоровалась. Вера ответила и передвинула сумку, освобождая соседний стул.

— Письмо получила, — сказала она.

— Я Виктору тоже отправила подтверждение.

— Знаю.

Алёна села. В школе пахло обедом, хотя до обеда оставалось несколько уроков. По лестнице сбежали двое младших, остановились у стенда, увидев взрослую женщину с журналом. Обычная жизнь не выглядела издевательством; она просто занимала слишком много места, чтобы целиком уступить его чужой беде.

— Как Егор? — спросила Алёна.

Вера посмотрела на неё.

— Ты хочешь просто спросить или потом кому-то передать?

— Просто спросить.

— Плохо.

Алёна кивнула. Такого ответа было мало для разговора, но его вполне хватало, чтобы посидеть рядом молча. Она начала перебирать застёжку на сумке и остановилась, когда звук стал слишком громким.

— Вчера я не знала про сообщение ему, — сказала она. — Про Виктора.

— Теперь знаешь.

— Я попросила родителей поговорить с детьми.

— И что ты им сказала? Что это неправда?

Алёна задумалась.

— Что нельзя обвинять человека без оснований.

— А про сына моего у вас основания были. Тринадцать секунд.

Вера произнесла число быстро, точно, как цену, которую приходилось повторять несколько раз за смену. Алёна не стала говорить, что на собрании просила показать целиком. Ей это вдруг показалось слишком удобной заслугой.

Из кабинета вышла мать девочки из параллельного класса. Директор пригласила Веру, потом заметила Алёну и попросила подождать. Вера поднялась с пакетом документов в руке, оставив сумку у стула.

— Посмотри, пожалуйста. Я скоро.

Алёна неожиданно обрадовалась этому поручению. Небольшому, понятному, не связанному с объяснением чужой жизни. Сумка стояла у её колена, и она действительно смотрела, чтобы её не задела пробежавшие дети.

С лестницы спустился Егор.

Алёна узнала его не сразу. За лето он вытянулся, лицо стало узким, волосы лезли на глаза. Он остановился перед кабинетом, посмотрел на материнскую сумку и спросил:

— Она там?

— Да. Сейчас выйдет.

Он кивнул и встал у окна. На руке, чуть выше манжеты, виднелся желтоватый след старого синяка. Алёна отвела взгляд, чтобы не рассматривать, но Егор заметил.

— Уже прошло, — сказал он.

— Я не...

— Все смотрят. Нормально.

Он достал телефон, но не стал открывать, просто держал в ладони. Алёна вдруг вспомнила его в пятом классе: на экскурсии он носил за автобусом коробку с чужими бутербродами, потому что никому больше не хотелось. У памяти было неприятное свойство выдавать добрые эпизоды тогда, когда они уже ничего не исправляли.

— Егор, — сказала она, — я написала директору, что не поддерживаю перевод.

Он посмотрел на неё без благодарности.

— А раньше поддерживали?

— Я подписала другое обращение. Но должна была проверить, к чему приложат подпись.

— Ладно.

Это «ладно» прозвучало не прощением, а окончанием разговора. Алёна почувствовала, как ей хочется объяснить ещё раз, чтобы он понял разницу. В этот момент открылась дверь, и вышла Вера.

— Чего с урока?

— У нас окно. Замены нет. Я тебе писал.

Вера посмотрела в телефон.

— Не увидела. Пойдём со мной, пару вещей подпишем.

Он не двинулся.

— Опять про лестницу?

— Про то, как тебе здесь учиться дальше.

— Я могу просто учиться? Без «дальше»?

Вера взяла сумку. На секунду лицо у неё стало таким усталым, что Алёна почти предложила сама куда-нибудь сходить, что-то подписать, кому-то позвонить. Но мать и сын уже прошли мимо, не нуждаясь в ещё одном взрослом посреднике.

У директора на столе лежали несколько вариантов жалобы. Светлана Борисовна прочла Алёнино письмо, сказала, что оно зарегистрировано и будет приобщено к рассмотрению обращений. Голос был сухой.

— Вы недовольны, что я написала? — спросила Алёна.

— Я недовольна тем, что теперь должна выяснять, сколько обращений поступило на самом деле и от чьего имени. Письмом вашим довольна, если это можно так назвать.

— Подписи были под первым текстом.

— У каждого первого свой номер. Вы дали листы Павлу Алексеевичу, он собирал по семьям, Кирилл Сергеевич прислал исправления. Родители приносили мне фотографии. Извините, но это не система, в которой я могу принять «все согласны».

Алёна посмотрела на листы. Фамилии тянулись вниз знакомым аккуратным столбиком. Она сама придумала разметку, чтобы не мучиться с неровными строками.

Директор спросила, у кого исходные распечатки. Алёна вспомнила коробку черновиков в мастерской, сказала, что посмотрит. Кудрина попросила не выбрасывать ничего, что может иметь значение, и не собирать свидетельства детей самостоятельно.

— Я уже слышала, что вы встречались в кафе.

— Про детей говорили.

— А дети уже говорят, что родители составляют список тех, кого будут переводить. Один ребёнок сегодня отказался выходить к доске, потому что его якобы «всё равно уберут».

Алёна закрыла сумку.

— Я напишу, что никакого списка нет.

— Напишите. Только от своего имени. Я своё сообщение тоже сделаю.

Выйдя от директора, Алёна увидела Лизу в конце коридора. Дочь стояла рядом с Лерой Захаровой и Настей Дроновой. Лера показывала что-то на экране, Настя держала в руках яркий пенал, уткнувшись большим пальцем в сломанную молнию. Лиза первой заметила мать и сразу перестала улыбаться.

Алёна помахала, не подходя. Лиза кивнула. Казалось, она ждёт, что мать всё-таки нарушит это маленькое расстояние и спросит при подругах о вчерашнем. Алёна вышла.

В мастерской она отыскивала коробку с пробными распечатками. Тоня хотела отправить её на переработку ещё в понедельник, но туда же положили лист с невыданным заказом. Под рекламными открытками нашлось три черновика обращения. Один — с фамилией Егора, два без. Алёна прочла все три и обнаружила, что не помнит, откуда взялся средний.

Она сохранила их отдельно, подписала, где лежали, и сообщила Черновой о находке.

Вечером Лиза принесла домой картонный домик. Окно уже светилось от маленькой лампы, провод был спрятан под полом. Она поставила макет на стол и сказала, что Лера придумала поставить внутрь фигурку человека, а Настя сделает занавески.

Алёна посмотрела в маленькое освещённое окно.

— Красиво.

— Ты правда смотрела?

— Правда.

Лиза усмехнулась. Мать спросила, как прошёл день. Дочь сказала: «Сносно», потом начала рассказывать, как учитель химии принёс не тот журнал и десять минут вызывал отсутствующих из другого класса. Алёна слушала, не проверяя телефон, и почти почувствовала, что они вернулись к обычному вечеру.

Потом спросила о видео.

Лиза перестала крутить домик.

— Каким?

— С лестницы. Я видела кусок, где Егор толкает Даниила. У тебя есть полный?

Дочь прижала ладонь к картонной крыше. Лампочка внутри чуть качнулась.

— Зачем?

— Потому что мы все посмотрели только это. А подписывали... Ты знаешь.

— Теперь знаешь и ты.

— Лиз, я не собираюсь отбирать телефон. Если там есть что-то, что нужно передать следователю...

Дочь убрала руку. На крыше осталась небольшая вмятина.

— У меня не полный.

— Но длиннее того?

Лиза кивнула. Потом достала телефон, долго искала и положила перед матерью.

— Только звук сделай тише.

В кадре был тот же пролёт лестницы. Егор стоял у стены, опустив руки. Даниил держал перед ним чужую куртку. Антон что-то говорил из-за края, требовал повторить. Егор отвечал негромко; слов Алёна сначала не разобрала. Потом Даниил поднял куртку выше, кто-то засмеялся, и мальчик толкнул его в плечо. Телефон дёрнулся. На этом знакомые тринадцать секунд не закончились: сзади раздался девичий голос — «Да хватит уже», и камера быстро ушла на перила.

Алёна посмотрела на дочь.

— Это Лера снимала?

Лиза покачала головой.

— Я.

В кухне стало слышно, как в холодильнике включился мотор. Лиза забрала телефон, но не ушла.

— И короткий кусок я сделала тоже, — сказала она. — Только я не знала, что его так отправят.

Глава 9. Тринадцать секунд

Лиза забрала телефон и положила в карман. Потом достала обратно, словно спрятанный аппарат выглядел признанием в чём-то худшем.

— Не надо мне сейчас рассказывать, что снимать людей плохо, — сказала она. — Я уже знаю.

Алёна отодвинула домик подальше от края.

— Я собиралась спросить, что было до этого.

— Егор выложил Лерину голосовуху. В общий. Где она про маму. Что задолбалась одна дома сидеть, пока та на второй работе. И ещё кое-что.

— Лера ему её прислала?

— Нет. Насте. Настя дала телефон музыку включить. Он нашёл и отправил себе.

Алёна попыталась представить, как это происходит, и не смогла: у истории было несколько пропущенных шагов, которые дети, очевидно, знали без объяснений. Она попросила дочь рассказать с начала, не торопясь. Лиза раздражённо выдохнула, но села.

Оказалось, в классе были маленькие группы, о которых родители знали только по внезапным обидам. Лера отправляла Насте длинные голосовые сообщения по дороге из школы, та слушала их дома. В пятницу третьего октября, когда они готовили материалы для макетов, Настя дала Егору телефон подключить музыку к колонке. Егор воспользовался открытым приложением, переслал несколько сообщений себе и вечером выложил отрывок в общий ученический чат.

— Зачем? — спросила Алёна.

— Потому что он злился на Леру. Она до этого его фотку поставила, где он с открытым ртом. Мы смеялись. Потом она убрала, но он уже решил.

— Ты тоже смеялась?

Лиза смотрела на лампочку в домике.

— Да.

На следующий день занятий не было, в понедельник они встретились в школе. Но запись с курткой, объяснила Лиза, сделана ещё в пятницу, раньше пересылки голосовых. Алёна подняла голову.

— Ты только что сказала...

— Я про то, почему все потом с ним ссорились. А куртка — раньше. Он Лере в столовой сказал, что у неё мать официантка и она тоже будет. Лера плакала. Даня пошёл с ним разговаривать.

Алёна попросила остановиться. Не требовать красивого порядка от испуганной дочери было трудно; ещё труднее оказалось признать, что сама она уже успела соединить пятницу и понедельник в один удобный эпизод.

Лиза взяла лист из блокнота и написала «3» и «6». Под третьим числом — «куртка», под шестым — «разговор». Ручка оставила на пальце новую синюю полоску.

— В пятницу я сняла. В пятницу вечером он выложил Леру. В понедельник взрослые узнали. Даня сказал отцу, что Егор на него полез. Всё.

— Нет. Не всё. Зачем куртка?

Лиза сжала губы.

Это была Егорова куртка. Он оставил её на подоконнике возле лестницы, пока спускался к автомату с водой. Даниил поднял её, стал передавать Антону. Они сказали Егору, что куртку вернут, когда он извинится перед Лерой. Егор сначала попросил отдать, потом начал ругаться. Антон велел повторять за ним: «Я очень умный, поэтому лезу к девчонкам». Кто-то предложил извиниться перед самой курткой. Лиза засмеялась и включила запись.

Алёна посмотрела на её пальцы. Всё ещё детская привычка размазывать ручку по ладони, хотя дочери было шестнадцать и она только что рассказывала о поступке, которого мать не могла отменить, отобрав телефон.

— Почему ты сняла?

— Потому что все снимали.

— Кто ещё?

— Не знаю. Там телефоны были. Настя стояла. Лера. Я не смотрела, кто нажал.

— А потом ты сказала «хватит»?

Лиза кивнула.

— Потому что Егор чуть не упал, когда толкнул Даню. И Антон разозлился. Я испугалась.

— Что он сделает?

— Что ударит. Потом Даня бросил куртку на перила. Егор сам забрал.

Дочь вытащила телефон и сама включила запись ещё раз, теперь со звуком. Антон говорил быстро, с той повелительной насмешкой, которой взрослые часто не замечают, пока она не направлена на их ребёнка. Алёна знала мальчика пять лет, кормила у себя блинами, видела его в смешной шапке с оленями. Голос на записи не отменял ни блинов, ни шапки. Просто оказался ещё одним голосом того же самого человека.

Знакомые тринадцать секунд начинались с движения Егора. Всё до них исчезало: куртка, просьба отдать, чужой смех, требования повторять. Лиза выбрала отрезок так, чтобы в кадре не было заметно, кто снимает и почему.

— Я хотела Лере послать, — сказала дочь. — Чтобы она увидела, как он психанул. И свой смех убрала. Он ужасный.

— Смех?

— Да. Как у дуры. Я не хотела, чтобы все слушали, как я ржу.

Алёна опустила голову. Вот и вся работа, из которой потом выросло коллективное письмо: человек не хотел слышать собственный смех. Не тонкий расчёт, не тайный приказ, а обыкновенное желание лучше выглядеть перед подругами.

— Кому ты отправила длинный?

— Антону. Сразу. Он попросил.

— А короткий?

— Лере и Дане. Потом уже не знаю. Я не рассылала родителям.

— Кирилл Сергеевич мог получить длинный от Антона?

— Мог. Я не спрашивала.

Алёна встала, подошла к окну и раздвинула занавеску, хотя снаружи было темно. Во дворе мужчина парковал машину, несколько раз не попадая между чужими бамперами. Она дождалась, пока он наконец выйдет, потому что не могла сразу обернуться.

— Это надо передать следователю, — сказала она.

— Я знаю.

— И школе. Через взрослых, как договоримся. Не в группу всем.

— Я знаю, мам.

— Почему не передала раньше?

Лиза с силой потёрла ладонь о штаны.

— Потому что мне стыдно. Потому что ты всё время говоришь, что я нормальная, взрослая, могу отвечать за себя. А я стояла и снимала. И ещё думала, что хорошо получилось. Ты хочешь, чтобы я это сказала? Вот. Я сказала.

Алёна повернулась. Дочь плакала, не закрывая лица. Раньше она подошла бы сразу, обняла, сказала, что всё поправят. Сейчас первые слова застряли: поправить можно было не всё, и обещать дочери освобождение от последствий было нечестно.

Она села рядом.

— Я хочу, чтобы Егор перестал быть виноватым в том, что у него отняли вещь. И чтобы ты рассказала, что сделала. Я могу с тобой пойти. Но за тебя не скажу, что ты там просто случайно стояла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.